

го материала, строительной техники, описать планировку и, конечно, убранство такого дома со всеми новыми элементами. Нужно было бы рассмотреть достоинства и недостатки типового проектирования.

Укажем некоторые мелкие ошибки монографии. На стр. 159 автор пишет, что «кереге көз» состоит из больших отверстий, а «жел көз» — из маленьких. В действительности же кереге лучшего качества, прочное, делается с маленькими ячейками и называется оно тор көз, а с большими — желкөз. На стр. 159—160 автор утверждает, что кереге в Киргизии делается цельное для всей юрты, а затем распиливается на части. Нам кажется, что автор здесь ошибается. Во всяком случае, у казахов и, как мы думаем, у киргизов кереге делается из отдельных звеньев, которые при постановке юрты составляют одно целое. Кстати, сама постановка юрты в книге описана не четко (стр. 161).

В последней, третьей главе монографии, посвященной мужской и женской одежде, а также украшениям южных киргизов, автор вслед за кратким обзором литературы и музейных коллекций хорошо описывает материалы, используемые при изготовлении одежды в разные времена года, а также говорит о значении готовых изделий в быту киргизов.

Автор подробно характеризует отдельные элементы мужской и женской одежды, устанавливая возрастные, социальные и племенные различия в одежде южных киргизов. Она показывает и причины изменений в мужской и женской одежде и украшениях (торговля, новые формы хозяйства, переход к оседлости, более тесное общение с соседними народами, упадок некоторых домашних промыслов и возрастающая связь с городом), стирание племенных различий в одежде, исчезновение старинных элементов одежды, характерных для феодального периода (парчовые халаты, замшевые вышитые шаровары, громоздкие женские головные уборы, некоторые виды украшений и т. д.), появление новых, более удобных форм одежды, коренные изменения в одежде в годы Советской власти.

Монография К. И. Антипиной несомненно является значительным и весьма ценным этнографическим трудом. Автор весьма далек от сухого, беспристрастного описания научных материалов. Она тщательно устанавливает отжившие и прогрессивные элементы и формы культуры, их происхождение и развитие, характеризует значение социалистических преобразований, показывает национальную специфику рассматриваемых явлений, вносит свои рекомендации в отношении дальнейшего развития материальной культуры киргизского народа. Отмечены же нами некоторые недостатки монографии несколько не снижают ее высокую оценку.

Х. Аргынбаев, В. Востров, Э. Масанов, Р. Ходжаева

Г. С. Гаситашвили. *Народные способы деревообработки*, редактор Г. С. Чията, Тбилиси, 1962 (на груз. яз.)

Обработка дерева в Грузии имеет богатые традиции и уходит корнями в глубокую древность. Уже в неолите на территории Грузии (Кистрик, Тетрамица) имелись орудия труда, предназначенные для деревообработки. В последующие эпохи обработка древесины получила широкое распространение и всегда занимала почетное место в хозяйственной жизни грузинского народа.

В научной литературе давно уже разрабатываются вопросы, связанные с искусством резьбы по дереву, с использованием древесины в архитектуре и т. п. Однако народные способы обработки дерева для хозяйственных и бытовых нужд до сих пор еще никем не изучались, и работа Г. С. Гаситашвили является по существу первой попыткой подобного рода. Автор рассматривает народные способы обработки дерева на материалах Боржомского ущелья, в котором деревообработка была основным видом ремесленного производства. Богатый этнографический материал, собранный на месте, и широкое использование специальной и общей литературы позволили автору глубоко и всесторонне изучить вопрос.

Работа открывается краткой историко-этнографической характеристикой населения Боржомского ущелья. Далее автор подробно останавливается на разделении труда при обработке дерева. Заготовкой и первоначальной разделкой древесины занимались знатоки «лесного дела» («ткис сакме»), среди которых в свою очередь выделялись более узкие специалисты: рубщики, распиловщики и т. п. Дальнейшая обработка была делом рук мастеров-деревообделочников (знатоков «хис сакме») самых различных специальностей. Большой споровки требовала перегонка плотов («цклис сакме») вниз по Куре. Плоты использовались вообще как транспортное средство и на них, по

свидетельству известного путешественника XVIII в. Гильденштедта, доставлялись в Тбилиси «пшеница и ячмень... из Гори и Сурами...»

Специализация по отдельным отраслям деревообработки происходила в рамках семьи, села или ущелья. «Модгами — супряга» как форма организации труда могла объединять как близких родственников, так и просто односельчан. Молодежь обучалась ремеслу либо в семье, либо на стороне у известных мастеров.

Значительное место уделено в работе классификации орудий труда. При этом делается попытка выяснить происхождение и проследить историю развития отдельных видов их. Удачной представляется аргументация в пользу высказанного ранее другими авторами мнения о генетической связи грузинского топора «метиура» с одним из типов колхидских топоров бронзового века. Интересные и весьма убедительные доказательства, приводимые Г. С. Гаситашвили, если и не позволяют считать вопрос окончательно разрешенным, то, во всяком случае, значительно подкрепляют мнение о существовании такой связи.

В целом очень интересная, написанная со знанием дела работа Г. С. Гаситашвили не лишена и отдельных недостатков. Известно, что в Боржомском ущелье вместе с грузинами в значительном числе живут и осетины, переселившиеся сюда из мест, довольно богатых лесом. О «выделывании деревянных вещей» в Осетии писал еще Вахушти Багратиони. Было бы интересно проследить, что нового, отличного от местных традиций и навыков, принесли с собой в Боржомское ущелье осетины. Гаситашвили ограничивается простым переводом отдельных терминов с грузинского языка на осетинский. Этого, конечно, мало. Боржомское ущелье славилось изготовлением пахотных орудий, но в работе почему-то ничего о них не говорится. Лишь в русском резюме вскользь замечено, что «именно Боржомское ущелье специализировалось на изготовлении пахотных орудий». Кстати, о резюме. Оно очень короткое, и в связи с этим хочется сказать следующее. Грузинская этнографическая школа по праву считается одной из сильнейших в нашей стране. То, что работы грузинских этнографов в подавляющем большинстве печатаются на грузинском языке, само по себе является одним из свидетельств расцвета грузинской социалистической науки. Но надо учитывать, что научная общественность других республик лишена возможности в полной мере знакомиться с достижениями грузинской этнографии и вынуждена судить о них зачастую лишь по резюме. Поэтому было бы желательно делать резюме более пространным.

Возвращаясь к книге Г. С. Гаситашвили, можно с уверенностью сказать, что ее с пользой прочтет каждый, кто интересуется вопросами истории материальной культуры грузинского народа.

Г. Лазарашвили

НАРОДЫ ЕВРОПЫ

Мишо Семјан. *Историја крајшника и кујне задруге у ратној држави*. «Споменик Српске Академије наука», СУШ Одељење друштвених наука, нова серија, 10. Београд, 1960, стр. 1—96.

В югославской специальной литературе подробно изучен вопрос о семейной общине у южных славян, и это вполне естественно, ибо в Черногории, Далмации, да и в других горных районах страны большесемейные отношения сохранялись нетронутыми вплоть до XIX в., давая обильный материал для наблюдений. Задружные порядки, порядки семейной общины не только продолжали существовать, но и были кодифицированы в ряде областей. Именно на черногорском материале и для Черногории В. Богишич создал свой Гражданский кодекс 1888 г. Такую же фиксацию задружных отношений осуществил закон 1807 г., изданный австрийским правительством для северных областей Хорватии и послуживший материалом для одного из первых исследований по истории южнославянской домашней общины, для книги О. Утешеновича «Die Haus-kommunionen der Südslaven».

Закон должен был упорядочить жизнь и повинности крестьян — военных поселенцев в широкой полосе по северному берегу р. Савы; эта полоса была известна на протяжении столетий под названием Военная Граница. Здесь еще с XVI в. начали оседать массы бежавшего от турок населения, здесь эти беженцы приобрели статус пограничников («крайшников»), были поставлены под начало комендантов и генералов и обязаны были нести постоянную военную службу. Но одновременно в этих «генералатах» крестьяне-пограничники были освобождены от ряда феодальных повинностей и сохранили многие установления своего старинного быта, и в том числе прочные задружные связи. Эти порядки подробнейшим образом и фиксировал закон 1807 г. Понятно, что этот памятник и после О. Утешеновича продолжал привлекать внимание